

The background is a dramatic, dark painting of a stormy sea. The water is rendered in deep, swirling shades of blue and black, with white foam and spray from the waves. In the lower center, a small, dark boat is visible, struggling against the turbulent water. The overall mood is one of intense danger and struggle.

Долгая дорога ДОМОЙ

Игорь Конев

Игорь Конев
Долгая дорога домой

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Конев И. Г.

Долгая дорога домой / И. Г. Конев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Дорога к себе. Дорога к вере. Дорога к Храму....

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Говорят, большие города злы и безжалостны. Говорят, население мегаполисов настолько атомизировано, что ему совершенно нет дела до отдельно взятой его единицы, особенно, когда эта "единица" хорошо "подшофе", сидит в сугробе и курит, подставив мокрое лицо падающим с ночного неба снежинкам. Может быть, так оно и есть..., и просто надо сказать большое спасибо своему Ангелу Хранителю? Кто знает....

Кладбище зачистили быстро. Оно давно уже мешало напирющим кварталам стремительно растущего города, сбивая бешеный темп тихим умиротворением потустороннего мира. И если городское собрание, перед самой революцией, кладбище просто законсервировало, возведя на его территории небольшую Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, то новая власть, окончательно получив бразды правления в свои руки, пошла более радикальным путём. Под «Смело мы в бой пойдём...», под «Марш энтузиастов» и рычание мощных бульдозеров комсомольцы, вооружённые лопатами и ломами, выворачивали кресты, крушили памятники, лихо сносили оградки..., не обращая никакого внимания на слёзы стариков, завывания женщин и разноголосые проклятия в свой адрес тех, кто, по тем или иным причинам, не успел перезахоронить на новое место останки своих родственников. А большинство могил и переносить-то было некому: солдаты Первой мировой, умершие от ран в эвакуационных госпиталях Н-ска; скошенные тифом жители окрестных деревень, всходившие на погост целыми семьями; белогвардейцы, вцепившиеся в сибирскую землю в попытке сохранить хотя бы малую толику от развалин Российской Империи, да так в этой земле и оставшиеся. Некому о них было плакать, некому молиться, некому вспоминать....

Часть бывшего кладбища отвели под застройку, а на оставшейся территории со временем разбили парк, чтобы у уставших от строительства «нового» светлого будущего горожан, было место для отдыха. Насаждали молодого березняка, проложили дорожки с незатейливыми деревянными скамейками по краям, огородили место для танцев с эстрадой для духового оркестра из ближайшей воинской части....

Однако добропорядочные граждане в «парке на костях» отдыхать не захотели: жива была ещё в их памяти оставшаяся от предков традиция священной неприкосновенности сакральных мест. Добропорядочные граждане парк стороной старались обходить, чем тут же воспользовались представители различных криминальных организаций, группировок и других бандформирований, которым было глубоко наплевать, где вершить свои тёмные дела и делишки и для которых жизнь человеческая, а тем более смерть, и гроша ломанного не стоила. Да и удобно, с другой-то стороны, закапывать жертвы жестоких междоусобных разборок, с поножовщиной и огнестрелом, тут же, что называется, не «отходя от кассы».

Шли годы, крепла новая власть, выжигая беспощадным огнём правосудия последние очаги распространения недобитых преступных элементов, и в парке стало безопасно..., но оттого не менее пустынно. Скамейки и эстрада, к тому времени, давно пошли на дрова, для жарких бандитских костров в холодные сибирские ночи, аллеи заросли бросовой зелёной и парк окончательно пришёл в запустение. Лишь местные алкоголики, неистребимые, как тараканы, нарушали, время от времени, торжественный покой старого кладбища чмоканьем откупориваемых бутылок и треньканьем замусоленных стаканов, верша недолгую свою тризну по неудавшейся жизни под шуршание советских газет с завёрнутыми в них нехитрыми закусками.

И только тогда, когда рассеялось коммунистическое помрачение, рухнули идеологические запреты и вера в Бога перестала считаться психиатрическим диагнозом, про забытый погост снова вспомнили.

Средних размеров дом, со стенами из бежевого «сэндвича» и крышей, покрытой гофрированным листом кирпичного цвета, стоял в глубине заброшенного парка и с улицы практически не просматривался. Укрытый от праздного любопытства прохожих высоким, но уже кое-где покосившимся деревянным забором, да буйной растительностью различного толка, дом словно говорил всем своим видом: «Я в вашу жизнь не вмешиваюсь, ну так и вы мне без надобности не досаждайте». О том, что это не обычное строение, а какая-никакая, но Церковь, обитель Духа Святого, можно было догадаться лишь по двум маковкам с крестами, которые устремлялись в небо с покатой кровли и празднично золотились в солнечную погоду своими округлыми боками.

Под стать церквушке был и настоятель: невысокий, полноватый, начинающий лысеть священник, с редкой, неухоженной бородкой и тихим, невыразительным голосом. Службы вёл неразборчиво, проповеди читал неохотно, на требы, подтянув подол рясы повыше, отправлялся пешком – машины у него не было. Словом, так себе священнослужитель по нынешним-то временам...

Но паства его любила. За кроткий нрав, за улыбчивую приветливость и ласковое участие к каждому, кто бы ни обратился к нему за помощью или советом. За то, что не имея вроде бы, никаких видимых на то причин, о. Святослав смог стать для общины и сердцем её, и душой, искренне участвуя в судьбе каждого прихожанина.

Единственно, кем не был и не мог стать для своего прихода настоятель, по причине особенностей характера и непреклонных в вере убеждений, так это хорошим управляющим. Деньги он зарабатывать не умел. Мало того – не хотел о. Святослав деньги зарабатывать на церковных Таинствах да на требах..., принципиально не хотел:

– Бесплатно получил, бесплатно и отдавать буду. – Упрямо твердил он в ответ как на робкие жалобы на бедность прихода заведующей церковной лавкой, так и на настойчивые «намёки» митрополита о том, что церковную иерархию ещё никто не отменял и не дело обычному протоиерею главе епархии перечить:

– Думать не только о душе надобно, но и о хлебе насущном. – Хмурясь и сдвигая брови, наставлял он при редких личных встречах упёртого батюшку.

Однако брать деньги с желающих покреститься или обвенчаться и вывешивать в притворе установленные «наверху» прайсы, настоятель всё равно категорически отказывался, а богатых, да ещё и верующих спонсоров, в его окружении не было.

Так что, строительство на кладбище домика, из утеплённых панелей, и переезд туда из складского помещения, которое прихожане арендовали некоторое время на соседней заводской территории, они ещё потянули, собрав с миру по нитке. Но о возведении настоящего, большого белоснежного Храма, который вздымал бы к небу величественный золотой купол с крестом в виде якоря, да о воскресной школе в три этажа с трёхступенчатой колокольной поблизости, можно было забыть.

О небольшой церквушке, которая теперь хранила вечный покой безымянных усопших, под белым берёзовым саваном, им рассказали друзья:

– Тихо там, уютно..., по простому. И настоятель добрый, и прихожане улыбчивые. Не то, что в Вознесенском, кафедральном, или в Александро-Невского..., где не поймёшь, то ли службу служишь, то ли модную постановку в Оперном Театре слушаешь. До батюшек не достучаться, народу тьма, бабки с колючими взглядами возле подсвечников, словно «церберы» на коротком поводке.... А тут..., будто дом родной. Да и.... – Друзья немного замялись и, с некоторой долей смущения, добавили. – Да и бесплатно всё здесь. Ну, свечи, там, иконы, книги понятно, приход их вынужден продавать, сам покупает. А за всё остальное денег не берет,

только добровольные пожертвования... Вы не подумайте, это для нас не главное, но всё-таки показатель.

Егор с женой денег не считали, заказывая по монастырям и многочисленным, теперь, городским церквям сорокоусты и подавая записки на Литургию. Смерть сына уже давно поставила всё по своим местам: что теперь в их жизни главное, а что нет. Да и не было никакого чувства покупки, когда протягивали они свои, честно заработанные..., женщинам в церковных лавках или представителям монастырей на Православных Ярмарках, с просьбой помолиться за безвременно ушедшее ко Господу родное чадо. Не покупали они эти молитвы, не обменивали их на деньги..., просто давали возможность людям, будь то монахи, монахини или священники в Алтаре – заниматься своим великим и нелёгким служением, не отвлекаясь на мирскую суету и не задумываясь, где бы достать кусок хлеба. Так что большой разницы, платные в Церкви записки на проскомидию или нет, для Егора с Галей не было.

И, тем не менее, это действительно был показатель. Показатель, что незримое присутствие извечного Духа Святого, на окормляемом им приходе, для настоятеля было куда важнее, чем звон разменной монеты.

Первая исповедь, со слезами на глазах, под ласковое утешение о. Святослава; первая Литургия, которая оставила после себя смешанное чувство непонимания, досады и, в то же время, надежды на будущую безусловную сопричастность; первая Пасха, с крестным ходом, молодыми девушками в народных костюмах и старинными припевами после службы...

А три или четыре месяца спустя, вслед за пронзительными «сквозняками» слухов и еле слышным ветерком перешёптываний о запрещении отца Святослава в служении, ворвался в Церковь, ураганом преобразований и неожиданных идей, новый её настоятель отец Иоанн. Высокий, немного сверх меры упитанный, с чёрной вызывающе торчащей бородкой и смоляными волосами, затянутыми сзади в косичку. Взгляд прямой и цепкий, голос поставленный и сильный.

В чёрной, повседневной рясе, большой и стремительный, он, в сопровождении небольшой свиты, прошествовал перед очередной воскресной службой в Алтарь, под нестройный взволнованный гул паствы, и первая Литургия с новым настоятелем началась...

За самое короткое время на приходе изменилось решительно всё.

Записки, требы и Таинства обрели, наконец, «долгожданную» стоимость; на большой информационной доске в притворе стали появляться просьбы о пожертвованиях на ту или иную икону и воззвания о сборе средств на очередной элемент храмового убранства. А на небольшой площадке перед церквушкой, засыпанной мелким отсевом и тщательно утрамбованной, кроме нового джипа отца Иоанна, стали появляться и другие дорогие машины...

Участившиеся службы, читаемые распевным дискантом нового дьякона и низким, красивым баритоном настоятеля, стали понятнее и ближе. Проповеди заставляли задумываться и сопереживать. Перед Таинством Крещения ввели обязательные лекции, и желающие обратиться в Православную веру подходили теперь к своему выбору более сознательно.

Старый клир, самостоятельно постигающий азы церковных песнопений, ушёл вместе с отцом Святославом, и их место заняли студенты консерватории, молодые ребята с потрясающе профессиональными голосами.

В трапезную закупили необходимое оборудование, и она превратилась в небольшую мини пекарню, для хлеба, просфор и воскресных пирожков с разнообразными начинками.

Жизнь прихода, примеряя на себя рамки нового уклада и новых реалий, постепенно входила в обыденное для всех верующих людей русло.

А возле входных дверей, в окружении цветочных горшков, рядом с расписанием богослужений, появилась небольшая схема настоящего, большого и белоснежного Храма, который

теперь уже точно, все в это поверили вдруг и безоговорочно, будет вздымать к небу величественный золотой купол с крестом в виде якоря....

Не успел Егор хорошенько узнать бывшего настоятеля и проникнуться по отношению к нему каким-либо определённым мнением. Служили при Святославе только по выходным да по большим праздникам и Егору, в силу его рабочего графика, удавалось попасть на богослужения только раз в месяц, так что большого потрясения от случившегося он не испытывал. Лишь осталось занозой в сердце какое-то расплывчатое чувство неприятного удивления и некоторой растерянности от такого явно несправедливого решения епархиальных властей.

С другой стороны о том, что происходит в церкви помимо богослужений, её, так сказать, внутреннюю кухню, Егор не знал совсем. Слышал, конечно, краем уха, что дисциплина и подчинённость священников во внутренней церковной иерархической структуре похлеще будет, чем в армии, но не более того. Поэтому делать какие-то далеко идущие для себя выводы из произошедшего не спешил.

«А пора бы уже с пространством за Царскими Вратами и поближе познакомиться. – Думал Егор, в очередной раз выходя с воскресной Литургии и отвешивая Храму положенные три поклона с крестным знаменем. – Чувствую ведь, что не в стройке моё предназначение, что способен на большее...».

Но тут же в памяти всплыл последний разговор с отцом Варсонофием:

– Не вижу я, батюшка, теперь смысла в своей работе. Ну, не вижу.... Раньше для парней своих на стройке горбатился. Одеть, обусть там, образование хорошее дать..., на всё деньги нужны. А теперь зачем? Старший уж отучился, работает, а младший.... – Егор судорожно вздохнул и, опустив голову, глухо добавил. – Мне бы в Церковь. Хоть кем.... Чувствую, что на большее способен, чем кирпичи друг на дружку укладывать. Не узнаете через знакомых, может, понадобится я кому-нибудь?

– Почему же не узнать? Узнаю.... – Отец Варсонофий ухватил за штанину парализованную ногу и принялся её массировать, слегка покачиваясь на своей старинной панцирной кровати. – Да только меня послушай – рано тебе в Церковь. Нечего тебе там, пока, делать. В том смысле, что на службы-то обязательно..., к Причастию подходи, как душа потребует..., но не более. Всё своим чередом совершаться должно, а твой черёд служить ещё не пришёл. Работай на стройке, так и дальше работай. Дыши свежим воздухом....

Иеромонах отец Варсонофий был рукоположен в священники уже после пострига: то ли служителей в немногочисленных Храмах того времени не хватало, то ли ещё по какой причине.... Звёзд с неба не хватало, в архимандриты не рвался и перед митрополитом не заискивал. Ровно служил. А что выпить любил и, по здоровью своему отменному, редко на пол литре останавливался, в свободные от служб вечера да в хорошей компании, так за то от Господа и претерпел обширным инсультом и частичной парализацией: «Спасибо тому хирургу, который трепанацию делал».

Пить с тех пор перестал. Сидел всё больше дома, в квартире, которая от родителей осталась, принимая редких посетителей, во спасение души, и проводя основное время дня за молитвой. И поползла, спустя несколько лет, по округе молва о новом старце, который через болезнь свою к святости приблизился и прозорливость у Господа снискал.

– Слава Богу, хватило у меня ума искушению не поддаться, дар-то ведь, какой-никакой, а и действительно имеется. Только управлять я этим даром не могу. Ляпну, сам чего ни попадя, а у человека потом глаза на лоб от удивления лезут, откуда, мол, вызнал старый. А я и сам не знаю.... Не получается Духа Святого стяжать в полной мере, грехи, что совершил за жизнь длинную, Свет застыят. А без этого не во благо людям способности мои, таких дел наворотить можно....

Ходил батюшка тяжело. Выкидывал вперёди себя вначале костыль, а потом, медленно и неуклюже закидывая корпус назад, подтягивал к нему непослушную ногу, опираясь свободной рукой о стенки или дверные косяки. Ни по дому толком убраться, ни шей сварить. Так к нему подруга Егоровой жены и попала: прибираться по выходным во славу Божию, да снедь нехитрую готовить. Через неё и Егор с батюшкой – сначала познакомился, а потом и подружился.

– Неволить тебя не могу и не буду. – Сказал отец Варсонофий, заканчивая разговор. – Поговорю с вашим новым настоятелем, как просишь, давно его знаю. Да только ещё раз повторю – рано тебе. Придёт время – будешь в Церкви, не денешься никуда. Но обождать надо. Не торопись....

Выполнил батюшка своё обещание.... Но встреча Егора с отцом Иоанном так и не состоялась: настоятель то недужить начинал не ко времени, то в командировку уезжал, с окормляемым им батальоном спецназа, то ещё что-нибудь. А со временем до Егора и вовсе дошло – не зря, ой не зря монах про «обождать» говорил, лукавя слегка перед ним для пользы дела, о своей «неуправляемой» прозорливости. Потому и работал до сих пор каменщиком на самой рядовой, обычной стройке, вздыхая время от времени по своей мечте и терпеливо ожидая исполнения пророчеств отца Варсонофия.

Закладной камень под фундамент будущего Храма заложили через год, в начале октября, когда был уже готов котлован и распланировано место для начала железобетонных работ: с Крестным ходом с хоругвями, молебном и проникновенным словом Митрополита, о важности Храма Божьего в жизни каждого православного человека и не только его.

Шуршало золото листьев под множеством ног пришедшей принять участие в долгожданном событии приходской паствы. Отливал небесной синевой просторный саккос на Владыке. В диссонансе с пасмурной погодой сияли белым, словно нетварным Божественным светом, одеяния священников.

И не было Егору никакого дела, в этот момент, до низких, налитых свинцом и ртутью, осенних туч, готовых в любой момент поделиться неласковым своим содержимым с застывшей в пугливом ожидании землёй: «Вот оно.... Вот же оно то, о чём говорил монах. Церкви по-разному служить можно, не только в Алтаре. Кто-то в трапезной во славу Божию трудится; кто-то ребятишек в Воскресной школе учит; кто-то территорию облагораживает.... А я Храм буду строить, СВОЙ Храм. Для сына, для людей...., для себя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.